

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/1998863X/66/12

РАЗЪЕДИНЯЮЩИЕ И ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ В ОТНОШЕНИЯХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯН КАК ОСНОВА ЛАТЕНТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Ирина Борисовна Бритвина¹, Елена Львовна Могильчак²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

¹ *irina.britvina@urfu.ru*

² *e.l.mogilchak@urfu.ru*

Аннотация. Исследуется роль объединяющих и разъединяющих элементов культуры при взаимодействии россиян и иноэтничных мигрантов из Центральной Азии на основе интерпретации результатов анкетного опроса жителей Екатеринбурга ($n = 476$). Типологизация опрошенных горожан на основе кластерного анализа позволила выявить три группы: носители разъединяющих элементов культуры, носители объединяющих элементов культуры и нейтральные. Авторы приходят к выводу, что наличие дифференцирующих элементов культуры при появлении причин для конфликтов может способствовать тому, что взаимодействие между мигрантами и принимающим сообществом способно перейти в стадию открытого конфликта.

Ключевые слова: мигранты, принимающее сообщество, отношение к мигрантам, элементы культуры, конфликт, латентная стадия, Екатеринбург, Центральная Азия

Для цитирования: Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. Разъединяющие и объединяющие элементы культуры в отношениях мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как основа латентной конфликтности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 127–138. doi: 10.17223/1998863X/66/12

SOCIOLOGY

Original article

ALIENATING AND UNITIVE ELEMENTS OF CULTURE IN THE RELATIONS BETWEEN MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA AND RUSSIAN CITIZENS AS THE BASIS OF LATENT CONFLICT

Irina B. Britvina¹, Elena L. Mogilchak²

^{1, 2} *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *irina.britvina@urfu.ru*

² *e.l.mogilchak@urfu.ru*

Abstract. In the present article, we study the role of unitive and alienating elements of culture in the interaction of Russian citizens and migrants of different ethnicities from Central Asia. The interest of scientists in the problems of ethnic and cultural interactions between indigenous and newcomers is quite significant. However, we have not found a typology of groups of the host community as carriers of uniting and separating elements of culture with migrants from Central Asian countries in domestic and foreign scientific sources. In scientific works, there is no correlation between the cultural attitudes of these groups and their level of conflict. The application of the anthropological approach allowed us to reveal the cultural characteristics of migrants, which are positively or negatively perceived by the local population, and assess their influence on the conflict potential of the interactions. The perceptive analysis of the interactions between migrants and the local community served as a basis for the interpretation of the results of the questionnaire survey of Yekaterinburg citizens held in 2019–2020 ($n = 476$). We applied the descriptive method of information analysis, correlation analysis and cluster analysis. In general, based on the set sample, the average number of attractive and repelling features of migrants is almost the same. The higher the number of repelling and unacceptable cultural habits of migrants mentioned by the respondents is, the more common open conflicts with them are. Classification of Yekaterinburg citizens based on cluster analysis allowed defining three groups: bearers of alienating cultural elements, bearers of unitive cultural elements, and neutral citizens. Most frequently, “bearers of alienating cultural elements” mention that migrants themselves initiate conflicts. This cluster is characterized by the maximum level of conflicts, in both latent and open forms. We come to the conclusion that the coincidence of differentiating cultural elements and the reasons for conflict may contribute to the fact that the interaction between migrants and the host community becomes an open conflict.

Keywords: migrants; host community; attitude to migrants; elements of culture; conflict, latent stage; Ekaterinburg; Central Asia

For citation: Britvina, I.B. & Mogilchak, E.L. (2022) Alienating and unitive elements of culture in the relations between migrants from central asia and russian citizens as the basis of latent conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 127–138. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/12

Постановка проблемы

Проблематика взаимоотношений мигрантов из стран Центральной Азии и россиян остается актуальной. Несмотря на период самоизоляции и ужесточение законодательства в отношении приема мигрантов, Российская Федерация остается одним из мировых лидеров по приему иностранных граждан. За январь–ноябрь 2021 г., по данным Росстата, количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства практически достигло уровня 12 млн человек. Свердловская область принимает большинство мигрантов из стран Центральной Азии (более 70%). Выходцы из этого региона в первую очередь стремятся закрепиться в Екатеринбурге, так как ищут высокодоходные рабочие места. Отношение принимающего сообщества к внешним мигрантам, по мнению авторов статьи, формируется, прежде всего, на основе культурно-оценочных характеристик обеих сторон. Культурная обусловленность этих взаимоотношений связана с тем, что на локальном уровне, как правило, выявляется разница культур, а не общая их родовая близость. Кевин Аврух (Avruch), призывая различать общечеловеческие моменты и этническую разницу в любых культурах, считает, что культура создает контексты, в которых происходит конфликт, и, связывая культуру с конфликтом, чаще всего имеются в виду этнокультуры [1]. Конфликты культурного характера носят латентный, но системный характер и часто не осознаются, или их осознание подавляется самими носителями в условиях

социальных и законодательных требований проявления толерантного отношения к другим этническим группам.

Методология исследования

Авторы статьи основывались на сочетании конфликтологической парадигмы (социокультурный подход) и антропологической концепции. В рамках конфликтологического подхода важным для нас является обоснование Питиримом Сорокиным системной природы социокультурных конфликтов [2].

Функциональная модель конфликта Георга Зиммеля (Simmel) в нашем исследовании является актуальной в силу того, что он трактовал межэтнический конфликт как классическое проявление «спора» в борьбе за отстаивание интересов [3]. Наряду с этим он писал о важном обстоятельстве, детерминирующем конфликт, – это чувство враждебности одной социальной группы к другой.

Обосновывая системность культурного неприятия иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии на территории России, следует обратиться и к «науке мира» Йохана Галтунга (Galtung), писавшего о структурном насилии, которое в форме национализма или этноцентризма может не осознаваться социальными группами и в критической ситуации приводить к прямому насилию [4].

Ральф Дарендорф (Dahrendorf), Льюис Козер (Coser), Георг Зиммель (Simmel) отмечали и позитивные последствия межгрупповых конфликтов [5, 6], которые способствуют упрочению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума.

Наш подход основан на понимании противоречивости воздействия конфликтов на социум в контексте сохранения стабильности социальной системы, в рамках которого мы попытались выявить роль не только разъединяющих, но и объединяющих элементов культуры в отношении принимающего сообщества к мигрантам в контексте анализа конфликтных взаимодействий.

Обзор литературы

В рамках антропологического направления анализа во второй половине XX в. в фокусе внимания исследователей оказывается сфера субъективности, «собственно человеческой реальности» (Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Фромм и др.). Так, Эрих Фромм (Fromm) утверждал, что для познания сущности добра и зла надо познать природу человека, а источник норм нравственного поведения искать в самой его природе. Он отмечал, что поведение человека во многом определяется ценностными суждениями [7]. Фромм, формулируя экзистенциальные и исторические дихотомии, разрешение которых определяет поведение людей, описывает дихотомию «укорененности», порождающую восприятие представителей другой культуры как «чужих» на основе «уз крови» и «земли» (выраженных «в общности, языка, обычаев, пищи, песен и т.д.»): «все, кто не относится к числу „своих“, вызывают подозрение» [8. С. 320].

Сторонники этноконфликтологического подхода также исходят из того, что глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах. По мнению М.О. Мнацаканяна, культура может интегрировать «своих», противопоставляя их «чужим» [9. С. 122]. В конце XX в. российскими учеными был выделен ряд причин социальных

конфликтов: территориальные споры, миграции и перемещения, историческая память, стремление к самоопределению, борьба за материальные ресурсы, претензии на власть национальных элит, конкуренция между этносами в сфере разделения труда [10]. В связи с нарастанием притока иноэтничных мигрантов в XXI в. конфликты в сфере взаимодействия приезжих и россиян анализировались особенно подробно. Так, например, В.И. Мукомель представил классификацию групп россиян по критерию толерантности: толерантные, колеблющиеся, гипоинтолерантные и гиперинтолерантные; ученый пришел к выводу, что интолерантная позиция в первую очередь формируется под влиянием отсутствия положительных жизненных перспектив (социальной инклюзии) [11]. Результаты российских исследований свидетельствуют о широком распространении негативного отношения к определенным (прежде всего, к непривычным для данной принимающей среды) этническим группам [12].

Исследования ученых показывают, что элементы культуры действуют на конфликтность противоречиво. Ряд авторов отмечают, что мигранты могут разделять культурные ценности страны прибытия, не провоцируя конфликтов. Так, утверждается, что взаимосвязь индивидуальных ценностей мигрантов и ценностей, доминирующих в их родных странах, не сильнее, чем взаимосвязь с ценностями стран, куда они эмигрируют: «ценности страны проживания даже ближе к индивидуальным ценностям мигрантов, чем те, что считаются распространенными в родной стране» [13]. Отмечается, что мигранты-мусульмане и постсоветские крестьяне очень близки в отношении ценности некоторых элементов трудовой культуры [14]. Некоторые наблюдатели еще в 1990-е г. в США отмечали, что выходцы из стран Азии и Африки (необязательно исламских) разделяют с местными консерваторами целый ряд идей: приоритет семейных ценностей, отрицательное отношение к абортam и сексуальной свободе, осуждение однополых браков и т.д. [15. С. 103–104]. Напротив, А.В. Дмитриев, связывая культурные различия с конфликтностью, исследовал негативную стереотипизацию мигрантов в условиях роста конфликтности и считает, что конфликтогенность взаимодействия мигрантов с принимающим обществом предопределена неразрывной связью с новой, сложившейся за последние десятилетия социальной структурой российского общества [16].

Дэннис Сэндол (Sandole), разрабатывая теорию картографии конфликта, выделял стадию латентного конфликта (предпроявление конфликтного процесса), стадию проявления конфликтного процесса (ПКП) и стадию агрессивного проявления конфликтного процесса (АПКП) [17]. В.А. Тишков предложил различать латентные (скрытые) и актуализированные (открытые) конфликты [18]. Г.У. Солдатова выделяет четыре фазы в развитии межэтнических конфликтов: латентная, фрустрационная, конфликтная и кризисная [19].

В этом отношении важное значение имеет исследование латентной стадии возникновения конфликта (когда он только формируется в сознании будущих его участников в виде неприятия, непонимания, отторжения другой стороны, нежелания общаться и интегрироваться).

Методика исследования

Для изучения явных и скрытых конфликтных взаимодействий между мигрантами и принимающим сообществом, которые могут ухудшать социальное

положение приезжих, авторами статьи в 2019–1920 гг. был осуществлен опрос жителей Екатеринбурга ($n = 476$). Тип выборочной процедуры – квотная выборка; квотный признак в процессе отбора местного населения – половозрастная принадлежность. Анализируя результаты опроса, мы рассматриваем отношения мигрантов и местного населения в трех аспектах: интеракционный (организация взаимодействия), коммуникативный (обмен информацией) и перцептивный (процесс восприятия и познания друг друга партнерами отношений) [20]. В основе настоящей статьи лежит исследование перцептивного аспекта отношений. При измерении восприятия жителями города личных черт и поведения мигрантов, их культурных привычек мы попытались выявить роль элементов культуры в общении с местным населением. Уточним, что термины отношения, общение и взаимодействие употреблены как синонимы.

Объединяющие элементы культуры фиксировались нами через измерение личных качеств и поведения мигрантов, которые рассматривались местными жителями как привлекательные. Элементы культуры интерпретировались как разъединяющие в том случае, если особенности поведения мигрантов оценивались жителями как отталкивающие, а их культурные привычки – как вызывающие наибольшее неприятие. Сферы взаимоотношений мигрантов и местных жителей рассматривались нами как опосредующий фактор формирования характера их общения. По близости контактов все сферы изменялись от наиболее близких (дружеские, родственные) до наиболее далеких (например, сфера досуга и развлечений). Каждая из выделенных сфер взаимоотношений связана с выполнением специфических социальных ролей представителями местного населения и мигрантов.

Для типологизации населения города в отношении объединяющих и разъединяющих элементов культуры в отношениях с мигрантами применен такой метод многомерной классификации, как кластерный анализ.

Результаты

Соотношение привлекательных и отталкивающих черт культуры мигрантов в сознании местных жителей мы рассматривали как показатель латентной конфликтности в отношениях данных социальных групп. Предполагалось, что латентные конфликты являются одним из условий появления открытых конфликтов. Еще раз отметим, что элементы культуры интерпретировались нами как разъединяющие в том случае, если особенности поведения мигрантов оценивались жителями как отталкивающие, а их культурные привычки – как вызывающие наибольшее неприятие. Как объединяющие элементы культуры интерпретировались в том случае, если они рассматриваются местными жителями как привлекательные.

Было выяснено, что наиболее часто упоминаемыми отталкивающими особенностями мигрантов являются незнание русского языка и низкий уровень цивилизованности, а также бытовые привычки – скученность в местах проживания и неопрятность (см. табл. 1). Наиболее привлекательными чертами мигрантов жители Екатеринбурга считают уважительное отношение к старшим, заботу о семье, родственниках, стремление поддерживать соплеменников в чужой стране (см. табл. 2). Екатеринбургцы, таким образом, ценят в выходцах из Центральной Азии прежде всего поддержку и заботу о близких людях, и уважение к ним.

Таблица 1. Личные качества и культурные привычки мигрантов, вызывающие неодобрение местного населения, % от числа опрошенных в кластерах

Личные качества и культурные привычки мигрантов	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Незнание русского языка	62,1	45,6	32,5	52,1
Низкий уровень цивилизованности	69,7	29,9	23,9	44,7
Низкий уровень образования	48,5	25,2	13,2	31,1
Отношение к женщинам вообще и к русским женщинам в частности	53,0	29,9	18,3	21,0
Религиозное поведение	29,5	10,2	5,6	15,9
Бытовые привычки	65,2	36,1	30,5	48,7
Стремление к клановости, замкнутости в рамках своей диаспоры, общины	35,6	14,3	13,2	23,0
Нежелание приобщаться к русской культуре, пренебрежение к ее ценностям	50,8	25,2	15,7	33,0
Пренебрежение к православию	21,2	8,2	3,0	11,2
Культурные привычки во взаимоотношениях полов	53,8	36,7	19,3	49,2
Культурные привычки во взаимоотношениях начальника и подчиненного	21,2	7,5	1,5	12,7
Культурные привычки в религиозных взаимоотношениях	31,8	11,6	6,1	21,5
Культурные привычки в бытовых отношениях	60,6	22,4	16,2	43,8
Культурные привычки в семейных отношениях	31,8	6,8	3,6	17,8
Никакие взаимодействия с мигрантами не вызывают негатива	27,3	64,4	45,4	46,2
Среднее число отталкивающих черт мигрантов	3,99	1,93	1,32	2,25
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

Около 65% респондентов непосредственно общались с мигрантами в процессе коммуникации или интеракции. Каждый четвертый местный житель делился с мигрантами своими мыслями, сведениями, мнениями, вместе пытался решить общую проблему и согласовывал для этого общий план действий; каждый пятый опрошенный участвовал в открытых конфликтах – спорах, ссорах, драках. Особо отметим, что более трети местных жителей (35%) ни в одной из перечисленных ситуаций с мигрантами не взаимодействовали (см. табл. 3).

К слову сказать, обмен информацией и процесс решения общей проблемы несколько увеличивает вероятность открытых конфликтов. Но часть респондентов (29,1% от общего объема выборочной совокупности) имели опыт обмена мнениями с мигрантами (решения общей проблемы), одновременно не имея опыта конфликтных отношений с ними.

Для типологизации населения города в отношении объединяющих и разъединяющих элементов культуры в отношениях с мигрантами нами был применен кластерный анализ.

Опишем типологические группы, образовавшиеся в результате применения кластерного анализа.

В первом кластере *носители разъединяющих элементов культуры* зафиксировано наибольшее число отмечаемых отталкивающих, раздражающих характеристик поведения. Всего 27,3% представителей этого кластера указали на то, что никакие виды взаимодействия с мигрантами не вызывают негатива, в других кластерах этот показатель составляет более 45% (см. табл. 1).

Индекс латентной конфликтности здесь самый высокий среди кластеров. Открытые конфликты с мигрантами также наиболее распространены именно в данной типологической группе. В ней зафиксировано соответствие латентной и открытой конфликтности – уровень конфликтности и того и другого типа является высоким. Носители разъединяющих элементов культуры отличаются специфическими установками по отношению к мигрантам – требованием ужесточения миграционного законодательства, убеждением, что без мигрантов жизнь в городе станет безопаснее.

Представители кластера *носители объединяющих элементов культуры* в 40% случаев делились с мигрантами своими мыслями, пытались вместе решить общую проблему (табл. 2). Они чаще общаются с мигрантами как с соседями.

Таблица 2. Личные качества и культурные привычки мигрантов, вызывающие одобрение у местного населения, % от числа опрошенных в кластерах

Личные качества и культурные привычки мигрантов	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Их национальный язык	7,6	8,2	4,6	6,5
Уважительное отношение к старшим	24,2	73,5	23,4	39,1
Внешний вид	2,3	5,4	3,0	3,6
Любовь к детям	12,1	39,5	2,5	16,6
Забота о своей семье, родственниках	23,5	67,3	16,2	34,0
Трудолюбие и старательность	16,7	46,9	17,3	26,3
Стремление поддерживать соотечественников в чужой стране	31,1	51,7	17,8	31,9
Доброта и отзывчивость, желание помочь	4,5	25,9	3,0	10,5
Религиозность	3,8	19,0	2,0	7,8
Соблюдение национальных праздников	11,4	35,4	8,1	17,4
Среднее число привлекаемых черт мигрантов	1,45	4,0	0,98	2,05
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

В подавляющем большинстве случаев представители группы носителей объединяющих элементов культуры привыкли к взаимодействию с мигрантами. В целом в данном кластере наблюдается самый широкий круг общения

с приезжими. Уважительное отношение мигрантов к старшим, их забота о семье расцениваются как привлекательные черты наиболее часто (см. табл. 2). В несколько меньшей степени упоминаются трудолюбие и старательность, стремление поддержать соплеменников в чужой стране. Индекс латентной конфликтности здесь самый низкий среди типологических групп.

Таблица 3. Формы взаимодействия местного населения с мигрантами, % от числа опрошенных

Формы взаимодействия с мигрантами	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Конфликтовали с мигрантами	40,2	19,0	10,7	21,5
Делились своими мыслями, сведениями с мигрантами	18,9	40,1	19,9	25,9
Пытались вместе решить общую проблему	21,2	40,1	14,3	24,2
Чувствовали общность с кем-то из них на основании проявляемых похожих эмоций	10,6	16,3	6,6	10,7
Ни в одной из перечисленных ситуаций с мигрантами не взаимодействовали	28,0	29,9	44,4	35,4
Считают, что чаще конфликты провоцируют мигранты	53,0	17,7	24,9	30,5
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

В кластере носителей объединяющих элементов культуры зафиксирован самый высокий процент участвовавших в бесконфликтной коммуникации либо интеракции¹ с мигрантами. Это вполне соответствует низкому уровню латентной конфликтности в данной группе (см. табл. 4). Следует отдельно отметить ценностные характеристики представителей данного кластера. Они отличаются высокой ценностью сохранения здоровья (в кластере повышена доля старших возрастных групп), умением готовить национальные блюда, интересом к национальной истории. В данной группе самое большое число используемых практик изучения национальной культуры и национальных традиций, в том числе религиозных. Можно говорить о том, что для данного кластера характерно как уважение к культурным привычкам других национальных групп, так и знание собственной культуры.

Представители кластера *нейтральные* реже других общаются с мигрантами в сфере обслуживания. Практически отсутствует семейно-родственное и дружеское общение с мигрантами (1,5 и 9,1% случаев соответственно; см. табл. 4). Соседское общение присутствует значительно реже, чем в других классификационных группах и составляет не более 19%. В целом широта общения с мигрантами в данном кластере значительно ниже, чем в других классификационных группах. 44% опрошенных вообще не контактировали с мигрантами в

¹ Показателем бесконфликтности коммуникации (либо интеракции) является сочетание практики обмена информацией или взаимодействия с мигрантами с отсутствием опыта участия в конфликтах с ними.

коммуникативном или интерактивном аспекте: не имели опыта решения общей проблемы, согласования плана действий, не делились с мигрантами своими мыслями, мнениями (см. табл. 2). Поэтому уровень распространенности конфликтов с ними является здесь самым низким среди кластеров.

Таблица 4. Сферы и характер взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и местного населения

Показатели общения местного населения с мигрантами	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)
Процент общавшихся в профессиональной сфере	15,5	2,3	10,1
Процент общавшихся в сфере соседских взаимоотношений	31,8	40,8	19,3
Процент общавшихся в сфере досуга и развлечений	24,2	23,8	11,2
Процент общавшихся в сфере обслуживания	56,1	54,4	34,5
Процент общавшихся в сфере образования	22,7	23,8	9,6
Процент общавшихся в сфере дружеских взаимоотношений	15,2	21,1	9,1
Процент общавшихся в сфере семейно-родственных отношений	2,3	10,2	1,5
Процент привыкших к взаимодействиям с мигрантами	62,9	83,7	60,4
Процент не имеющих опыта коммуникации или интеракции с мигрантами	28,0	29,0	44,4
Процент имеющих опыт открытого конфликта с мигрантами	40,2	19,0	10,7
Процент участвовавших в коммуникации или интеракции с мигрантами и одновременно не участвующих в конфликтах с ними (показатель отсутствия конфликтности в процессе интеракции и коммуникации)	18,9	42,2	26,0
Индекс широты контактов с мигрантами ¹	1,97	2,41	1,23
Индекс латентной конфликтности ²	2,73	0,48	1,33

¹ Индекс рассчитывался как среднее число отмеченных респондентами сфер общения с мигрантами.

² Индекс рассчитывался как отношение среднего числа отталкивающих черт мигрантов к среднему числу привлекательных черт.

В сфере жизненных ценностей и культурных установок данный кластер наиболее выделяется из представленных типологических групп. Отличительная особенность входящих в него респондентов – более слабая выраженность целого ряда характеристик. Это неразвитая ориентация на такие ценности, как интересная работа, безопасность и стабильность жизни, меньший интерес к литературе на русском языке, слабое стремление отмечать религиозные праздники, меньшее осуждение дачи денег в долг под проценты знакомому, приятелю. Также членам данной группы свойственна низкая агрессивность во взаимоотношениях с людьми. Видимо, «нейтральная» позиция по отношению к мигрантам объясняется не только отсутствием интенсивных контактов с ними, но и слабым проявлением ориентации на многие жизненные ценности, спокойным, возможно, пассивным, отношением к жизни.

В целом нужно отметить, что чем выше отмечаемое жителями Екатеринбурга число отталкивающих черт и неприемлемых культурных привычек мигрантов, тем *выше распространенность открытых конфликтов* с ними. Чаще всего указывают на инициацию конфликтов самими мигрантами представители кластера «носители разъединяющих элементов культуры». В данном кластере – максимальный уровень конфликтности (как в латентной, так и в открытой форме). Мигранты фактически воспринимаются в роли «подчиненных» (в соответствии с типологией «спора» Зиммеля).

Минимальный уровень латентной конфликтности и самая низкая конфликтность в процессе интеракции и коммуникации зафиксированы в кластере «носители объединяющих элементов культуры».

Исследование выявило влияние латентной конфликтности на склонность к открытым конфликтам с мигрантами. Говоря о факторах латентной конфликтности, можно утверждать, что ее уровень снижается с увеличением широты контактов с мигрантами, приобретением опыта решения общей проблемы, а также обмена мнениями в процессе общения. Так, минимальный уровень латентной конфликтности в группе носителей *объединяющих* элементов культуры сопряжен не только с меньшей распространенностью открытых конфликтов, но и с широкими контактами с мигрантами во множестве сфер взаимодействия, распространением практики общения с ними в процессе решения общей проблемы.

И наоборот, максимальный уровень латентной конфликтности в группе носителей *разъединяющих* элементов культуры значительно реже сопряжен с практикой сотрудничества и чаще – с негативными эмоциями, сопровождающими взаимодействие с мигрантами.

Таким образом, взаимодействие с мигрантами на основе сотрудничества можно рассматривать как основу, благоприятную для снижения латентной конфликтности в принимающем сообществе и оптимизации аккультурации мигрантов.

Крайне важно то, что принимающее сообщество неоднородно по данным переменным, что проявляется в наличии трех категорий жителей города, различающихся по латентной и явной конфликтности. Анализ показывает, что национальная идентичность кластера «носителей разъединяющих элементов культуры» формируется в первую очередь на основе отторжения «чужих». Национальная идентичность кластера «носителей объединяющих элементов культуры» формируется на основе знания собственной культуры и уважения культуры «чужих». В этой типологической группе латентная конфликтность не является угрозой стабильности социальной системы.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что в основе конфликтных отношений лежат бытовые и образовательные особенности мигрантов, а в основе неконфликтных – отношение мигрантов из стран Центральной Азии к представителям своей национальной группы. Важную роль в возникновении конфликтности играет и оценочная позиция членов принимающего сообщества.

Выявление социальных оснований формирования нейтрального отношения к приезжим, а также стремления к взаимодействиям с ними среди носителей объединяющих элементов культуры позволяет развивать прикладное значение исследований латентной конфликтности.

Анализ этнокультурной составляющей взаимодействий местного населения и приезжих нужно продолжать. Выявление общих ценностей, сфер взаи-

модействия россиян и мигрантов, которые неминуемо должны находить общие точки соприкосновения для минимизации проблем взаимной интеграции, является по-прежнему востребованным.

Список источников

1. Avruch K. Cross-Cultural Conflict // UNESCO Encyclopedia of Life Support Systems. 2002. URL: <http://www.eolss.net/book/sample%20chapters/c14e1-40-01-01.pdf> (accessed: 14.02.2022).
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
3. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 782 p.
4. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, is. 3. P. 167–191.
5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
6. Козер Л.А. Функции социального конфликта. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.
7. Фромм Э. Человек для самого себя. М. : АСТ, 2010. 350 с.
8. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э., Хорни К. Психоанализ и культура. М. : Юрист, 1995. С. 275–565.
9. Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм: Национальная жизнь в современном мире. М. : Анкил, 2009. 406 с.
10. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М. : Аспект-Пресс, 1999. 270 с.
11. Мукомель В.И. Ксенофобия и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 32–57.
12. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 58 – 80.
13. Rudnev M. Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45, is. 10. P. 1626–1642.
14. Великий П.П., Бочарова Е.В. Этнокультурные аспекты социально-экономического взаимодействия мигрантов и коренного сельского населения России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3. С. 123–135.
15. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Мысль, 2015. 267 с.
16. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.
17. Sandole D.J.D. Paradigms, Theories, and Metaphors in Conflict and Conflict Resolution: Coherence or Confusion? // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application. Manchester, England : Manchester University Press, 1993. P. 3–24.
18. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М. : Русский мир, 1997. 531 с.
19. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
20. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 1999. 375 с.

References

1. Avruch, K. (2002) *Cross-Cultural Conflict* [Online] Available from: <http://www.eolss.net/book/sample%20chapters/c14e1-40-01-01.pdf> (Accessed: 14th February 2022).
2. Sorokin, P. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel.
3. Simmel, G. (1908) *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
4. Galtung, J. (1969) Violence, Peace and Peace Research. *Journal of Peace Research*. 6(3). pp. 167–191.
5. Dahrendorf, R. (1994) Elementy teorii sotsial'nogo konflikta [Elements of the theory of social conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 142–147.
6. Coser, L.A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow: Iдея-Press ; Dom intellektual knigi.
7. Fromm, E. (1997) *Chelovek dlya samogo sebya* [Man for Himself]. Translated from English. Moscow: AST.

8. Fromm, E. (1995) *Zdorovoe obshchestvo* [The Sane Society]. In: Fromm, E. & Horney, K. *Psikhoanaliz i kul'tura* [Psychoanalysis and Culture]. Translated from English. Moscow: Yurist. pp. 275–565.
9. Mnatzakanyan, M.O. (2009) *Natsionalizm i globalizm: Natsional'naya zhizn' v sovremennoy mire* [Nationalism and Globalism: National Life in the Modern World]. Moscow: Ankil.
10. Harutjunjan, Ju.V., Drobizheva, L.M. & Susokolov, A.A. (1999) *Etносотсiология* [Ethnoso-ciology]. Moscow: Aspekt-Press.
11. Mukomel, V.I. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 32–57. (In Russian).
12. Kuznetsov, I.M. (2017) Balans mezhnatsional'nykh ustanovok kak indikator sostoyaniya mezh-etnicheskikh otnosheniy [The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations]. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 58–80.
13. Rudnev, M. (2014) Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 45(10). pp. 1626–1642.
14. Velikiy, P.P. & Bocharova, E.V. (2015) Etnokul'turnye aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo vzaimodeystviya migrantov i korennoy sel'skoy naseleniya Rossii [Ethnocultural Aspects of Socio-economic Cooperation of Migrants and Indigenous Rural Population of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 3. pp. 123–135.
15. Malakhov, V. S. (2015) *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Mysl'.
16. Dmitriev, A.V. (2015) Konfliktogennost' migratsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Conflict Potential of Migration: Theoretical and Practical Problems]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 1. pp. 16–29.
17. Sandole, D.J.D. (1993) Paradigms, Theories, and Metaphors in Conflict and Conflict Resolution: Coherence or Confusion? In: Van der Merwe, H. (ed.) *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application*. Manchester (England): Manchester University Press. pp. 3–24.
18. Tishkov, V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Policy of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy mir.
19. Soldatova, G. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow: Smysl.
20. Andreeva, G.M. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.

Сведения об авторах:

Бритвина И.Б. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Могильчак Е.Л. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Britvina I.B. – Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Mogilchak E.L. – Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 06.04.2022;
approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 04.05.2022